

Не сказать, что это было смешно, но чувство ностальгии и лёгкая радость от того, что её ценят, переполняли Минда. Тан Чжао не считала, что Минда капризничает без причины, напротив, её немного кислое выражение лица казалось ей милым, поэтому она с улыбкой признала свою вину:

— Я была неправа, мне не следовало смотреть на других.

Когда она улыбалась, на её щеках появлялись милые ямочки, чего раньше у Сун Тина не было.

Минда почувствовала, как у неё зачесались руки, хотя изначально она хотела немного покапризничать. Подняв руку, она ткнула пальцем в ямочку на щеке Тан Чжао. Щека была мягкой и нежной, ощущения были приятными, и ей это сразу понравилось.

Тан Чжао не стала её останавливать, с нежностью позволяя ей делать что угодно, а в её глазах заиграл ещё более глубокий смех.

Минда не стала заходить слишком далеко, ткнув пару раз, она остановилась, прижав палец к ямочке на щеке Тан Чжао и предупредила:

— С этого момента ты не должна смотреть на других женщин, нет, даже мужчин тоже.

Сказав это, она высокомерно подняла подбородок:

— Отныне ты можешь смотреть только на меня.

Тан Чжао с улыбкой опустила её палец, держа его в своей руке:

— Так нельзя, у меня есть дела, которые нужно обсудить с другими.

Минда не смогла возразить, она и сама не была настолько неуступчивой, поэтому сделала шаг назад:

— Тогда ты должна смотреть на меня чаще, не игнорировать меня, особенно когда ты с Лянь Цзиньяо.

[Авторское примечание: Минда в очередной раз ревнует.]

Минда быстро пошла на поправку, уже через три-пять дней раны покрылись корочкой, и она больше не могла лежать.

— Брат Атин, я хочу выйти прогуляться, целыми днями запертой в этой комнате, я уже начинаю плесневеть.

После очередной перевязки Минда схватила рукав Тан Чжао и умоляла.

Тан Чжао не сразу согласилась, лишь успокоила её:

— Минда, будь умницей, твои раны ещё не зажили, только покрылись корочкой, и если ты начнёшь двигаться, они могут снова открыться, и страдать будешь только ты.

Минда, услышав это, потрогала свою поясницу и заколебалась — правда в том, что маленькая принцесса с детства была окружена заботой и почти не знала трудностей, тем более ран. На этот раз на её теле появилось несколько глубоких ран, и они действительно сильно болели. Иногда она не могла уснуть от боли ночью, но боялась, что Тан Чжао будет переживать, поэтому молчала.

Даже сейчас, когда раны Минды зажили, лёгкая боль всё ещё не исчезла. Конечно, она не хотела мучить себя, просто инстинктивно хотела исследовать незнакомую обстановку.

Если бы она не узнала Сун Тина с первого взгляда, Минда, проснувшись, несмотря на раны, начала бы исследовать место, где находится.

Теперь, когда прошло столько времени, Минда не собиралась отказываться от идеи увидеть всё своими глазами, поэтому, подумав, она пошла на компромисс:

— Тогда я не буду двигаться, ты отведи меня к окну подышать воздухом, я ещё не видела, что снаружи.

Что снаружи? Конечно, это логово разбойников!

Тан Чжао, видя настойчивость Минды, поняла, что не сможет её остановить, но хотела сначала предупредить:

— Тогда я отведу тебя к окну, но, Минда, снаружи всё может быть не так, как ты представляешь.

Минда не придавала этому значения, маленькая принцесса в юности видела только роскошь императорского дворца, изредка выходя на пиры к родственникам или чиновникам. Всё, что она видела, было богатством, к которому она привыкла, поэтому, проснувшись в этой маленькой комнате, она сразу поняла, что место было скромным, и осознала, что её окружение сильно отличается.

Считая, что она готова к этому, Минда легко согласилась, и Тан Чжао больше не уговаривала, убрав бинты и лекарства, она снова занялась Миндой — сначала аккуратно помогла ей сесть, затем надела обувь и носки, и, вспомнив, что скоро зима, накинула на неё верхнюю одежду, прежде чем осторожно помочь ей встать.

Они двигались очень аккуратно, но Минда всё же потянула рану, и её лицо побледнело от боли.

Тан Чжао сразу же забеспокоилась, с тревогой спросив:

— Что случилось, ты потянула рану? Дай мне посмотреть, может, она снова открылась?

Сказав это, она хотела поднять одежду Минды.

Минда остановила её рукой:

— Всё в порядке, просто немного больно, пройдёт.

Затем она вдруг отпустила руку Тан Чжао:

— Но если ты хочешь посмотреть, то посмотри.

Эти слова заставили Тан Чжао покраснеть, словно она была развратником, который хотел её увидеть. Но Тан Чжао всё же беспокоилась о здоровье Минды, поэтому, хоть и чувствовала себя неловко, осторожно подняла её одежду и посмотрела... Всё было в порядке, новый бинт оставался белым, и не было пугающих следов крови.

— Всё в порядке. Минда, ты всё ещё хочешь подойти к окну? Или вернёшься лечь и отдохнёшь ещё несколько дней?

Тан Чжао аккуратно поправила одежду Минды, румянец на её лице постепенно исчез, и она спросила.

Минда заметила все её выражения, конечно, не пропустив её покрасневшие уши, поэтому намеренно дотронулась до них, прежде чем сказать:

— Раз уж встала, зачем возвращаться лежать? Я хочу подойти к окну подышать.

Тан Чжао слегка наклонила голову, заметив её шалость. Но что она могла сделать с маленькой принцессой, которую сама избаловала? Конечно, продолжать баловать. С лёгким вздохом она посмотрела на Минду и осторожно повела её к окну:

— Хорошо, я проведу тебя.

Минда хихикнула, сделав пару шагов, она остановилась и, дождавшись, пока Тан Чжао обернётся, протянула руки:

— Я больше не пойду, шаги всё ещё причиняют боль, брат Атин, понеси меня.

Она говорила так уверенно, что её слова и действия стали ещё более интимными, чем раньше. Вероятно, это было связано с тем, что Тан Чжао оказалась женщиной, и маленькая принцесса больше не чувствовала барьеров между мужчиной и женщиной, поэтому стала ещё более раскованной.

Тан Чжао тоже не знала, смеяться ли ей или плакать, часто задумываясь в последнее время, что бы произошло, если бы она была откровенна с Миндой с самого начала?

Но как бы она ни думала, это были лишь предположения о прошлом, а сейчас Тан Чжао могла только уступить явному кокетству маленькой принцессы. Она наклонилась, чтобы поднять её, Минда была стройной и не слишком тяжёлой, даже похудела из-за недавних хлопот. Но Тан Чжао всё же пришлось напрячься, чтобы поднять её, прежде чем сделать шаг к окну.

Комната была небольшой, и расстояние было коротким, Тан Чжао несла Минду несколько шагов, прежде чем осторожно поставить её на ноги. Минда больше не капризничала, встала и сладко поблагодарила, затем протянула руку и открыла окно.

Осенью и зимой в горах всегда холоднее, и ветер принёс с собой струю холодного воздуха.

Минда инстинктивно потянула свою одежду, затем огляделась вокруг и замерла — это были не городские улицы, которые она ожидала увидеть, и не кирпичные дома. Вдали виднелись горные хребты, окутанные туманом, а вблизи стояли хижины и бамбуковые дома. В сравнении с ними этот маленький дом, который Минда считала скромным, был лучшим жилищем в округе.

С опозданием Минда вспомнила разговор Тан Чжао и Лянь Цзинъяо и начала догадываться. Затем она посмотрела на Тан Чжао и неуверенно спросила:

— Брат Атин, где мы... находимся?

Тан Чжао, видя, что она догадалась, ответила:

— Это разбойничье логово за пределами города Пинлян.

Маленькая принцесса, не знавшая жизни, всё же знала, кто такие разбойники. Осознав, что она находится в разбойничьем логове, она почувствовала себя неловко, и, если бы не успокоение Тан Чжао, она бы сразу же взорвалась.

После этого, встречая Лянь Цзинъяо, Минда больше не могла сохранять к ней добрые чувства, её взгляд стал более настороженным.

<http://bllate.org/book/15453/1371002>